

ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ АЗИИ¹

В мае 1969 г. на двух научных конференциях, близких по задачам и составу участников, обсуждались проблемы первоначального заселения и ранних этапов этнической истории Северной Азии, формирования сибирских народов и их современного этнического развития. Изучение столь широкого круга проблем имеет не только чисто региональное, но также общеметодологическое и методическое значение, что нашло свое отражение в докладах (их было около 200) и в дискуссиях. На конференции в Томске преобладали доклады лингвистов, в Новосибирске — археологов и этнографов, но на каждой из них были представлены также антропологи и палеогеографы, историки и социологи. Наш обзор не исчерпывает всей проблематики, материалов и методов, доложенных на конференциях, работа которых, бесспорно, еще привлечет внимание специалистов. Тем более, что было принято решение опубликовать материалы, непосредственно относящиеся к проблемам этногенеза и этнической истории Северной Азии.

Наиболее четко и последовательно прозвучали на конференциях принципы историзма в современных исследованиях этногенетического характера. При анализе отдельных элементов культуры и этнических комплексов в центре внимания были их носители — современные народы и их предшественники — со всей совокупностью окружающих факторов. Отсюда и привлечение нового круга источников, и разнообразные методы их анализа, включая формализацию массовой информации и ее обработку на электронно-вычислительных машинах. Участников конференции в Томске заинтересовало, например, широкое использование в качестве источника данных топонимики (школа А. П. Дульзона), в Новосибирске — данных петроглифов (А. П. Окладников, В. Н. Чернецов, Н. Н. Диков).

Переходя к обзору некоторых конкретных результатов этногенетических исследований, доложенных на конференциях, следует подчеркнуть довольно последовательно проводившуюся идею о преемственности между археологическими провинциями прошлого и современными историко-этнографическими областями (А. П. Окладников). При всем разнообразии подходов и самой терминологии можно с достаточной определенностью говорить о пяти крупных региональных подразделениях, три из которых относятся к южной части Северной Азии (юго-запад, юг и юго-восток) и два к приполярной (северо-запад и северо-восток). Если южная часть относится к зоне становления *homo sapiens*, то приполярная не только заселена значительно позже, но и освоена человеком слабее.

Для ранних этапов этногенеза представляют интерес новые сведения о палеолитических находках на сопредельных территориях Средней и Восточной Азии (В. А. Ранов, В. Е. Ларичев) и непосредственно в Северной Азии (З. А. Абрамова, Ю. А. Мо-

¹ Межвузовская конференция в Томске организована Государственным педагогическим институтом; академическая конференция в Новосибирске — Институтом истории, филологии, философии СО АН СССР. См. тезисы докладов: «Происхождение аборигенов Сибири», Томск, 1969; «Этногенез народов Северной Азии», Новосибирск, 1969.

чанов). Существенно новым представляется вывод З. А. Абрамовой о двух пластах культур на Енисее — афонтовской и кокоревской — с различным бытовым укладом каменным и костным инвентарем. По-видимому, о древнейших этапах этногенеза говорят данные лингвистов об отдаленном родстве урало-алтайских и индоевропейских языков (А. П. Дульзон, К. И. Петров) и особом месте кетского языка, связанного, как с этой, так и с отдаленной тихоокеанской языковой общностью (А. П. Дульзон, Г. К. Вернер, В. Н. Топоров). Большое значение для изучения последующих этапов этногенеза имеют выводы археологов и этнографов об этнической принадлежности петроглифов Северной Азии (А. П. Окладников) и выделение субстратных элементов в культуре тунгусов, самодийцев (Г. М. Васильевич, Г. И. Пелих).

Самое оживленное обсуждение на конференциях вызвали проблемы этногенеза и этнической истории сибирских народов, начиная со II—I тыс. до н. э.

В южной части Северной Азии подробнее была рассмотрена территория верхнего и, частично, среднего Обь-Енисейского междуречья. Здесь, по общему мнению, складывался очаг автохтонного развития не только современных южносибирских, но и ряда других народов, ныне расположенных на сопредельных и отдаленных территориях. Этнокультурная дифференциация проходила несколькими большими волнами, в которых принимали участие аборигены и новые иммигранты.

Особое внимание исследователей привлекают проблемы карасукской культуры, которая связана с местным неолитом (А. П. Окладников), но имела и достаточно широкий ареал (Н. Л. Членова, В. А. Посредников и др.). Одним из компонентов сложной в этническом плане карасукской культуры были предки современных кетов (Э. Б. Вадецкая, А. Н. Липский). Важную роль в этногенезе аборигенов Южной Сибири, включая и бурят, сыграло тюрко-монгольское влияние, устанавливаемое лингвистическими и этнографическими материалами (М. И. Боргояков, Ш. Ч. Сат, Ц. Б. Цыдендамбаев, И. А. Батманов, Л. П. Потапов и др.). Интерес, в частности, вызывают выводы И. А. Батманова и Ц. Б. Цыдендамбаева о двух хронологически датируемых пластах монгольского влияния в языке бурят и тюрков Южной Сибири.

Этнические связи Южной Сибири с сопредельными территориями рассматривались преимущественно в северном и северо-западном направлениях — в связи с проблемами этногенеза угуров и самодийцев. Весьма убедительной была аргументация археологов в пользу некоей единой угро-самодийской общности (М. Ф. Косарев, А. И. Мартынов) и возможно ее разграничении в бассейне Иртыша на рубеже старой и новой эры (В. А. Мотильников)². Заслуживают внимания выводы о заселении северо-запада легендарными «сиртя» и о их связях с гипотетическими протоуральцами (Л. В. Хомич). В то же время предположение о древнем проникновении самодийцев на крайний север — порядка II тыс. до н. э. (Л. П. Хлобыстин) требует еще дополнительных доказательств.

Привлекли внимание новые данные о втором в Северной Азии очаге автохтонного развития — в южной части Дальнего Востока. Преемственность и взаимодействие культур в процессе этногенеза южных тунгусов и палеоазиатов прослежены на материалах археологии и этнографии не только в Приамурье — Приморье, но также на Сахалине, Камчатке и Чукотке (А. П. Деревянко, Э. В. Шавкунов, Д. Л. Бродянский, Е. И. Деревянко, С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, В. А. Голубев, Р. С. Васильевский). Интерес, в частности, вызвал вывод С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева о длительном взаимодействии и в прошлом более южном расселении двух вероятных общностей: нивхско-айнской и эскимосско-алеутской. Не менее важным и длительным в этногенезе северо-восточных палеоазиатов были западное (центрально-сибирское) и восточное (североамериканское) влияния. Об этом, по-видимому, свидетельствуют не только новые изыскания археологов на северо-востоке (Р. С. Васильевский, Н. Н. Диков), но также и находки палеоэскимосского типа на Таймыре (Л. П. Хлобыстин), подмеченные аналогии чукотской яранги и монгольской юрты (И. С. Гурвич). В решении данной проблемы важное значение имеют новые сведения лингвистов и этнографов о чукотско-камчатской этнолингвистической общности и, в частности, об особом положении ительмен-

² В этом направлении интересно указание на угорскую топонимику в Северном Казахстане (В. Н. Попова).

ского языка (П. Я. Скорик, А. П. Володин, П. И. Инэнликэй, Г. А. Меновщиков, И. С. Вдовин, А. П. Дульзон).

Важной вехой в этногенезе и этнической истории народов Северной Азии становится превращение ее в органическую часть Русского государства. Русское заселение и освоение внесли не только изменения в этническую карту региона уже в XVI—XVII вв., но также весьма существенно повлияли на последующий ход этнических процессов (Е. М. Залкинд, Н. А. Мииненко, Ч. М. Таксами, Ю. А. Сэм). Особого внимания заслуживает вывод Е. М. Залкинда (его точку зрения разделяет также Ц. Б. Цыдендамбаев) о сложении бурят в народность в XVIII веке именно в результате русского влияния. Интенсификации этнических процессов способствовали плановые социалистические преобразования у народов Сибири и Дальнего Востока. Причем, наряду с явлениями дальнейшей консолидации, в жизни аборигенов Северной Азии усиливаются и тенденции интернационализации (Е. П. Орлова, Ю. Б. Стракач, В. А. Тимохин, В. И. Бойко). В этом диалектическом процессе важная регулирующая роль принадлежит национально-территориальной автономии, предоставленной народам Сибири и Дальнего Востока в виде автономных республик, областей и национальных округов в соответствии с принципами ленинской национальной политики.

В выводах заключительного заседания в Новосибирске, где подводились итоги двух конференций, помимо единодушно высказанного мнения о целесообразности повторения подобных мероприятий, отмечена также желательность проведения промежуточных рабочих симпозиумов по проблемам отдельных крупных этапов этногенеза и этнической истории в рамках историко-этнографических областей Северной Азии.

Р. С. Васильевский, Ю. Б. Стракач

ТРЕТЬЯ ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

С 10 по 13 июня 1969 г. в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР состоялась третья ежегодная научная сессия, посвященная исполняющемуся в будущем году 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса и итогам работы коллектива за 1968 г.¹ На семи заседаниях Ученого совета было заслушано 29 докладов по различным проблемам этнографической науки. Значительная часть докладов была посвящена анализу общественного строя у различных народов, раскрытию вклада Ф. Энгельса в изучение социально-экономических отношений у народов мира.

Доклад «Ф. Энгельс и некоторые вопросы социального строя кочевых обществ» прочитал С. М. Абрамзон. Последний период истории первобытного общества (период военной демократии) был, по мнению докладчика, одновременно периодом максимального развития патриархально-родовой организации. Эта организация как промежуточное звено в социальном развитии кочевников принимала у них форму кочевых общин разной величины, в которых еще сохраняли свое значение отношения родства. Важную роль играла большая патриархальная семья. Как полагает докладчик, эта семья не была продуктом разложения отцовского рода, а возникла и укрепилась одновременно с процессом образования и укрепления такой же новой в качественном отношении общности — отцовского рода, составляя одну из сторон этого процесса. Узы родства постепенно превращались не только в «оболочку» для возникавших видов эксплуатации, но и вместе со всем комплексом вытекавших из них внутриведомственных и внутриведомственных отношений закаливались, не успевая регистрировать прогресс, сделанный обществом. Постепенно в кочевых общинах формировались территориальные связи. Решающее значение в развитии общин имели частнособственнические отношения.

¹ О предыдущих сессиях см.: Ч. М. Таксами, Научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1967, № 6; А. М. Решетов, Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР; «Сов. этнография», 1968, № 6.